

**ДЕМЕТРА И ГЕФЕСТ ПРОТИВ КРОНОСА: «ЧАСТНЫЙ РЫНОК»,
«ТОРГОВЛЯ НА ДАЛЬНИЕ РАССТОЯНИЯ» И НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА.
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОППОРТУНИЗМ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФИНАНСОВ**

Дмитрий Сергеевич ХАУСТОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета,
Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Российская Федерация
dmitry.khaustov@rabler.ru

История статьи:

Принята 30.04.2015

Одобрена 04.06.2015

УДК 339.1–051 (09)

Ключевые слова:

экономический оппортунизм,
частный рынок, происхождение
финансов, накопление капитала,
инновация

Аннотация

Предмет и тема. В статье отмечается, что логика человека экономического — это логика накопления капитала. Существует несколько гипотез, обосновывающих причины накопления капитала. Среди них — концепция протестантской этики и духа капитализма М. Вебера, диалектика взаимодействия способа производства и производственных отношений К. Маркса и прагматические соображения о необходимости перманентной реновации материальной основы капитала, в том числе высказанные Ф. Броделем. Подчеркивается связь между накоплением капитала, возникновением финансов и оппортунистическими практиками. Однако в рамках классической политэкономии и экономикс (экономической теории) XX в. целостный теоретический образ экономического оппортунизма и его связь с происхождением финансов не были в должной мере разработаны. В значительной мере это справедливо и в отношении современного состояния финансовой науки.

Цели и задачи. Цель работы — исследование таких распространенных оппортунистических практик, как частный рынок и торговля на дальние расстояния. Поставлены задачи по отслеживанию связи этих разновидностей коммерческой деятельности с возникновением финансов, определению некоторых «реперных точек», задающих первичное приближение к категориальной рамке изучения эволюции финансов как оппортунистической практики.

Методология. В основе исследования лежат как общенаучные методы (анализ, сравнение, аналогия), так и специфические — классический (качественный) анализ документов. Широко применен принцип историзма. Представлена ссылка на лингвистический анализ слова «финансы». Используются концепции меркантилизма, классической политэкономии, марксизма и неомарксизма, кейнсианства, понимающей социологии, теории девиации Р. Мертон, исторической школы «Анналов», поведенческой экономики.

Результаты. Изучены связи между экономическим оппортунизмом и возникновением финансов. Раскрыты понятия «частный рынок» и «торговля на дальние расстояния» на широком историческом материале с привлечением разнообразных концептуальных построений. Проанализирована товарная структура типичной торговли на дальние расстояния.

Выводы и значимость. Выдвинута гипотеза о генезисе финансов как группы оппортунистических практик, обслуживавших торговлю. Предположительно, финансы стали инструментом принуждения к рынку. Понятийные конструкты «частный рынок» и «торговля на дальние расстояния» полностью совместимы с концепцией инновационного девиантного поведения Р. Мертон. Отмечены творческий потенциал экономического оппортунизма и его долгосрочные позитивные последствия. Исследование дает возможность взглянуть на генезис капитализма с неортодоксальных для экономикс позиций, что в свою очередь позволяет дополнить инструментарий социально-экономического прогнозирования априорной установкой, что финансы — это оппортунистическая и одновременно творческая практика. В частности, целесообразно следовать этой максиме в процессе нормотворчества в сфере налогообложения.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Так и порок полезен людям,
Когда он связан правосудием.
Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок;
Достатка — все тому свидетель,
Не даст ему лишь добродетель.
И те, кто век вернет иной,
Прекраснодушный, золотой,
Верша все честными руками,
Питаются будут желудями...

Бернард Мандевиль. Басня о пчелах

Введение

В одной из своих работ, посвященных анализу рационализма, известный социолог и экономист М. Вебер отмечал, что «...поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий «идеальный тип». Социология, подобно истории, дает сначала «прагматическое» истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономии рациональная конструкция «экономического человека» [1, с. 378]. Считается (и не без оснований), что логика экономического человека и одновременно логика капитализма — это логика накопления капитала.

Но почему капитал необходимо накапливать? Что же это за логика накопления капитала и как можно ей соответствовать? Как ни странно, но существует несколько вариантов ответа на эти вопросы.

Причины накопления капитала

Общеизвестна точка зрения М. Вебера, полагавшего, что «стремление к предпринимательству», «стремление к наживе», к денежной выгоде сами по себе ничего общего не имеют с капитализмом. Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее — его «духу» [2, с. 9].

Происхождение капитализма М. Вебер объяснял доктриной личного спасения и божественного предопределения у отдельных протестантских сект, где «...в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается *неутомимая деятельность в рамках своей профессии*. Она и только она прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в избранности» [2, с. 87]. Стремление к накоплению капитала при зарождении капитализма,

по мысли М. Вебера, было вызвано перманентным стрессом пуритан, пытавшихся уверить себя, что они избраны Богом для рая, а не для ада. Тот, кто разбогател, должен был попасть в рай.

Согласно М. Веберу, именно по этой причине представители ряда протестантских сект бросились в отчаянные предприятия, попутно заложив основы американской финансовой системы и капитализма в целом. В частности, можно вспомнить о секте квакеров, представители которой играли заметную роль в экономике Британии и ее американских колоний на рубеже XVIII–XIX вв. Однако причиной успеха квакеров некоторые историки считают их исключительную добросовестность в том, как они вели дела — как по отношению к единоверцам, так и в сделках с прочими контрагентами. Как отмечает Дж. Шуровьески, «...одной из инноваций квакеров стало установление фиксированной цены, подчеркивающей превосходство прозрачности над отчаянными торгами» [3, с. 126].

В общем, идеи М. Вебера во многом противоположны общеизвестным положениям марксизма. В своей работе «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. ...Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота (т.е. социальной революции — прим. авт.) по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [4, с. 157–158].

Исследователь Б.Ю. Кагарлицкий также отмечает, что логика развития голландского и английского

колониализма, как и многочисленные примеры из истории Соединенных Штатов, обнажает следующий неприглядный факт: попадая в иную культурную и политическую среду, протестантские купцы и военные с легкостью нарушали любые моральные нормы, типичные не только для внутреннего существования протестантских общин, но и вообще для цивилизованного общества. Практическое накопление капитала в XVI и начале XVII в. **отнюдь не было подчинено** логике рационального инвестирования, не было оно и связано с производством — в основе его лежали грабеж и торговля. Рациональное начало при накоплении капитала скорее проявлялось в правильной и деловой организации грабежа, в эффективном применении вооруженной силы. Лишь впоследствии (вероятно, по завершении кризиса XVII в., когда все в Новом Свете, что можно было без особого труда разграбить, было уже разграблено) протестантская рациональность, аскетизм и дисциплина обернулись стимулами промышленного развития. Весьма примечательно, что М. Вебер, будучи немцем, свои выводы сделал на основе изучения англо-американских протестантских общин XVI–XVII вв., **а не германских государств** того же периода. Торжество Реформации в восточной части Германии отнюдь не привело к бурному развитию капитализма. Наоборот, к востоку от Эльбы наблюдалось в XVII в. **вторичное** закрепощение крестьянства [5, с. 230–231].

Однако существуют и вполне тривиальные причины концентрации капитальных благ, ведь постоянное снижение качества капитала в вещественной форме — это никогда не прекращающееся «заболевание» экономики. Для поддержания качества основных фондов применялись все возможные способы. Например, доходило до курьезов: первый корабль, пришедший в Санкт-Петербург в 1704 г., получил от Петра Великого привилегию: пока этот корабль ходит по морям, его владелец не будет платить таможенных пошлин в России. *Хитрость* (на это слово стоит обратить внимание!) судовладельцев заставила корабль просуществовать почти столетие — втрое или вчетверо больше нормального для той эпохи срока. Или можно вспомнить передовой (даже для начала XXI в.) пример организации воспроизводства лесных угодий Гарца между Зезеном, Бад-Харцбургом, Госларом и Целлерфельдом в 1635–1788 гг. Являясь источником энергии, необходимым для питания древесным углем доменных печей этой области, эти леса были устроены таким

образом, чтобы воспрепятствовать их стихийной и неупорядоченной вырубке местными крестьянами. Первый известный законодательный акт об их эксплуатации относится к 1576 г. Лесной массив был разделен на участки в соответствии с разной скоростью подрастания деревьев разных пород. Государственными управителями были составлены карты и планы организации сплава бревен, надзора за лесом и конных объездов. Таким путем были обеспечены сохранение этого природного источника капитала и его устройство в целях рыночной эксплуатации [6, с. 239–240]. **Сходный характер** имело лесоводство в Японии эпохи Токугава, оформившееся в 1657–1800 гг. Оно предполагало запрет на вырубку, нормирование количества дерева на строительство дома сообразно социальному статусу домовладельца, лесовосстановительные работы, коммерческое разведение леса. В 1697 г. Миядзаки Антеи обнародовал «Ногио Дзенсо» — первый в Японии значимый трактат по лесоведению [7, с. 414–421].

Таким образом, одна из причин (возможно, первопричина) накопления капитала — необходимость постоянного воспроизводства его вещественной основы, что проще сделать, когда контроль за производственными фондами сосредоточен в немногочисленных руках. Так сказать, борьба Деметры и Гефеста против Кронаса. Вероятно, с момента осознания необходимости аккумуляции производственных фондов появились какие-то организационные механизмы протофинансов. На взгляд автора, многообразные формы редистрибуции было бы перспективно исследовать на предмет происхождения финансов. Однако это находится вне заявленной темы.

В то же время в большинстве случаев социальные группы, контролировавшие капитальные блага, были не столь рачительны и дальновидны. Гораздо чаще они проявляли безжалостность (как минимум — нравственную индифферентность) в отношении эксплуатируемых природных зон и других социальных и этнических групп. И практически всегда являлись оппортунистическими.

Экономическому оппортунизму в исторической ретроспективе посвящено не так много количественных исследований. Это связано, в том числе, с идеологической установкой ученых. Например, признанный корифей количественного анализа экономической истории Э. Мэддисон, придерживаясь в основном либеральных взглядов на хозяйственное развитие, старается затушевать

оппортунистический характер колониальной экономики эпохи Великих открытий, что удается ему не в полной мере [8, с. 143, 145, 191].

В рамках классической политэкономии и экономик (экономической теории) XX в. целостный теоретический образ экономического оппортунизма и его связи с происхождением финансов, на взгляд автора, не были должным образом разработаны. В значительной мере это высказывание справедливо и в отношении современного мейнстрима финансовой науки. В связи с этим необходимо рассмотреть такие распространенные орудия экономического оппортунизма, как «частный рынок» и «торговля на дальние расстояния», и постараться выявить их связь с накоплением капитала и происхождением финансов.

«Частный рынок»

Известный представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель анализирует реальность европейских «механизмов на нижнем пределе обменов» (городские рынки, ярмарки и т.п.), в том числе через категориальную дихотомию «открытый рынок — частный рынок», предложенную А. Эвериттом. Демографический подъем в Англии XVI–XVII вв. превысил возможности ярмарок и стационарных рынков городов и деревень. Городские рынки традиционно были подвержены достаточно жесткой регламентации со стороны местных органов власти. Разумеется, муниципальный контроль был направлен, прежде всего, против спекуляций на продовольственном рынке — это был вопрос физиологического выживания городов. Однако «...рост обменов благоприятствовал использованию новых каналов обращения, более свободных и более прямых ...этому способствовал рост Лондона. Отсюда и судьба того, что Аллан Эверитт за неимением лучшего слова называет *частным рынком (private market)*, который, по правде говоря, есть лишь способ обойти открытый рынок (*open market*), находившийся под жестким контролем. Агентами этих частных рынков зачастую бывали крупные странствующие торговцы, даже разносчики или коммивояжеры: они добирались до самых кухонь отдельных ферм, закупая *авансом* пшеницу, ячмень, баранов, шерсть, птицу, шкурки кроликов и овчины. *Таким образом происходило «выплескивание» рынка в деревни* (курсив авт.). Зачастую такие новоприбывшие делали своей базой постоянные дворы — «заменители» рынков; с этого начиналась их огромная роль. Эти люди

странствовали из одного графства в другое, из одного города в другой, тут договаривались с каким-то лавочником, в другом месте — с разносчиком или оптовиком. Им приходилось также самим играть роль настоящих оптовых торговцев, посредников всякого рода, в такой же мере готовых поставлять ячмень пивоварам Нидерландов, как и покупать в странах Прибалтики рожь, которая требовалась в Бристолле. *Иногда они объединялись по двое или по трою, дабы разделить риск* (курсив авт.)» [6, с. 22]

В этой пространной цитате, возможно, вся суть частного рынка, признаки которого, на взгляд автора, выглядят следующим образом.

1. Частный рынок как способ обойти закон, т.е. разновидность оппортунистического поведения.
2. Частный рынок как инструмент вовлечения в рыночные отношения экономической периферии в целях ее оппортунистической эксплуатации.
3. Авансирование под будущий урожай и игра кредита.
4. Взаимное страхование акторов частного рынка, не столь уж далекой перспективой которого станет появление капитальных обществ — корпораций, в том числе банков и страховщиков.
5. Активность агентов частного рынка как социальная инновация.
6. Непрозрачность частного рынка, на которой основано «надувательство».

Непрозрачность частного рынка часто проистекала из сущности географического аспекта: производитель и конечный потребитель продукции находились слишком далеко друг от друга, чтобы между ними рано или поздно не появился посредник. Этот посредник мог более эффективно в долгосрочной перспективе формировать рынок.

Вообще, торговые спекуляции, проводимые в рамках организованной группы, стали характерной чертой экономической жизни задолго до Нового времени. Как отмечает В.В. Чашин, «...средневековый торговец крайне редко был «единоличником». Чаще всего он являлся членом той или иной купеческой либо цеховой корпорации, причем с обязательным и финансовым, и личным участием (а не с одним лишь участием капитала, как в торговых компаниях XVII в.), что означало объединение принципов «социального залога» с нормами групповой ответственности. Долгое время в торговле властвовали купеческие (семейные) союзы, развивались перекрестные сделки комиссионного

характера. Соответственно, репутация купца (как и его защищенность) строилась не только и не столько на его индивидуальных качествах, сколько на качествах его социальной группы (хотя в торговле на дальние расстояния роль принадлежности к гильдии или семье в какой-то степени уменьшалась)» [9, с. 165–166].

В этом видится прообраз корпораций и великих акционерных обществ Нового времени, которые фактически занимались формированием рынков и организацией процессов товаризации всего и вся. Ф. Бродель полагал, что частный рынок — это не только английская, но и общеевропейская действительность. По-видимому, и на другом берегу Ла-Манша купец Высокого Средневековья (середина XI — конец XIV в.) вновь начал странствовать — этот процесс зафиксирован историками-медиевистами в эпоху «коммерческой революции» XIII в. **Считается доказанным**, что почти повсюду в Европе открытый рынок оказывался одновременно и недостаточным, и слишком контролируемым: и в любой точке пространства-времени, о которой сохранились свидетельства, использовались или станут использоваться *уловки и окольные пути* [6, с. 23]. Вполне вероятно, что именно с этими уловками связано *появление частных финансов*. Например, Ю.М. Березкин отмечал: «Первое, что обращает на себя внимание, это вопрос о происхождении термина «финансы». ...данный термин появился задолго до возникновения государственных финансов, причем — именно в связи с развитием частных финансовых операций. А затем был позаимствован для обозначения государственного финансового хозяйства. Кроме того, целый ряд значений, производных от этого термина, вообще никогда не использовались в государственных финансах. Прежде всего это — *finis в значении «сделка»* (здесь исходное происхождение то же самое, что и у слова «финансы»). Термин *fine в значении «финансовый документ», регистрирующий окончание частной сделки*, тоже не из области государственной финансовой деятельности. Аналогичное можно сказать и о *fein, Finanz — «хитрый», «хитрость», «лукавство»: они тоже присущи именно частным финансовым операциям* (курсив авт.). Наконец, французское *la finance означало «частный денежный платеж», а также «плата королю»* при покупке государственной должности, что вряд ли можно обоснованно относить к государственной финансовой деятельности» [10, с. 22].

Далеки от норм традиционной морали и культурные особенности торговой деятельности в Средневековье. Например, даже доказанное оппортунистическое поведение купца отнюдь не являлось в то время обязательным поводом для серьезного преследования виновника. Очевидно, что по уровню рутинной неопределенности и делового риска, способам реакции на неожиданности торговля в Средневековье существенно отличалась от производственной сферы, нацеленной, прежде всего, на поддержание стабильности. Оппортунизм в торговле (так называемый внешний оппортунизм в отличие от внутреннего — внутрицехового) воспринимался как неотъемлемая и допустимая (разумеется, в определенных рамках) часть рискованной деятельности. И если первый наказывался при обнаружении денежными штрафами, то оппортунизм внутрицеховой карался серьезнее — мерами физической расправы и моральными унижениями достоинства нарушителя, лишавшими его прав в гильдии. Этому способствовал особый социальный статус купцов — людей, связанных с небезопасным, хитроумным (само слово «финансы», вероятно, произошло от слова «хитрость»), иногда полузаконным, но объективно необходимым для общества занятием [9, с. 166]. В качестве исторической иллюстрации этого положения можно вспомнить о марокканских торговцах, организовавших в XI в. **средиземноморскую систему торговли**, предусматривавшую наказание собственных участников за нарушение купеческого кодекса. А североевропейский средневековый торговый союз Ганза защищал своих членов от оппортунистической практики городов-государств, вводя коллективное торговое эмбарго против тех из них, в которых незаконно захватывали имущество членов союза [3, с. 128].

Итак, жизнь «по понятиям» — не такое уж уникальное явление, отличающее постсоветское пространство от «цивилизованного мира», как кажется некоторым нашим современникам.

На взгляд автора, оппортунистическая деятельность торговцев Средневековья и Нового времени была одним из инструментов *принуждения к рынку* [11, с. 53–57]. Первоначально это принуждение происходило через институт так называемой «разбойничьей торговли», характерной для раннего Средневековья. Известный советский историк М.Н. Покровский не без оснований полагал, что для указанной эпохи «...внеэкономическому принуждению в области производства

соответствовало внеэкономическое присвоение в области обмена. Не только живой товар, людей, но и те соборы меха, и те драгоценные металлы, которые обращались на тогдашнем рынке, добывали тогда не путем выкупа у первоначальных собственников, хотя бы с обманами, а отдельными случаями насилия и тому подобными «злоупотреблениями»... Их добывали прямо открытой силой — *первой стадией обмена была не меновая торговля..., а ...«разбойничья торговля» (Raubhandel)*... (курсив авт.). Черта, которую так заботливо проводят теперь, отделяя мирного торговца, хотя бы и недобросовестного, от грабителя, не существовала для наивных людей раннего Средневековья. Разбойник в купца и купец в разбойника превращались с поразительной легкостью...» [12, с. 62].

Однако с развитием хозяйственных отношений «разбойничья торговля» уступила место более тонким формам экономического оппортунизма — прежде всего, основанным, по выражению Ф. Броделя, на «игре кредита».

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что финансовые отношения долгое время формировались как группа оппортунистических практик, обслуживающих торговлю в рамках институциональных структур частного рынка (*private market*) и *разбойничьей торговли (Raubhandel)*. Даже если это предположение не соответствует действительности, *существует определенная связь финансов и оппортунизма на лингвистическом и организационном уровнях*. Структурой, интегрирующей «честного финансиста» и «бесчестного грабителя», выступали разнообразные практики средневековой торговли, в особенности на экономической периферии. *Финансы были необходимы, в том числе и для формирования рынков через принуждение к последнему*.

Неудивительно, что частный рынок, если он относительно прозрачен, как правило, вызывает общественное осуждение. Например, существует мелкая спекуляция билетами на спортивные соревнования — так называемое «скальпирование»: уже сам термин предполагает вполне определенное отношение к этому понятию со стороны социума. В частности, в Нью-Йорке запрещается перепродажа билетов на спортивные соревнования по цене, превышающей номинал на 25% [13, с. 92–93]. Вероятно, возникновение частного рынка в данном случае связано с острым дефицитом билетов на зрелищные мероприятия, которые их обладатели готовы перепродать по сходной цене. По выражению

Д. Ариели, купленные в кассе билеты для их счастливых обладателей имеют «высокую цену владения». Профессор психологии и поведенческой экономики Д. Ариели провел исследование и выяснил, что владельцы билетов на соревнования по баскетболу одной университетской команды в среднем оценивают их в 16 (!) раз дороже, чем те, кто желал бы купить эти же билеты у спекулянтов [14, с. 145–151].

Однако далеко не всегда экономические агенты знают истинную цену товарам, находящимся в обороте. Например, С. Ван-Вактор в отношении ценообразования на рынке нефти во времена деколонизации отмечает следующее: «Образованная элита из стран — экспортеров нефти осознала, к своему ужасу, смысл высказывания колониальной эпохи XIX в.: «Ради бога, не говорите местным, сколько это стоит» [15, с. 15].

Исследователь экономического оппортунизма В. Чашин уверен, что перечень ключевых условий эффективности рынков (наличие цен, способность к обмену и восприятие экономическими агентами цен как заданных) может быть дополнен еще одной аксиомой — «наличием институциональной гомогенности». Если такая гомогенность (например, полная согласованность способов оценки качества товаров и квалификации оценщиков) отсутствует, всегда существует возможность перераспределения благ одними агентами, оставляющая изменение благосостояния других агентов как минимум в области неопределенного, потенциального, что и является одним из факторов экономических изменений длительной временной протяженности [9, с. 36–37]. **Чаще всего речь идет о разнообразных формах пространственного и временного арбитража**, но иногда происходят институциональные изменения.

В данном случае будто возвращаешься к спору представителей римского и канонического (т.е. церковного) права в Западной Европе XIII в.

Сторонники римского права (романисты) полагали, что цена определяется в результате соглашения договаривающихся сторон, т.е. активного торга, который происходит по собственной внутренней логике и не подчинен никакой внешней норме. В этой логической парадигме есть место «лукавству финансов». Представители канонического права (канонисты) развивали новый тезис о *справедливой цене*, которая существует сама по себе, независимо от соглашения договаривающихся сторон, и тем самым заменяет эмпирический

закон нормативной установкой. Если в Высоком Средневековье справедливой в основном считалась конкретная цена, складывающаяся на местных рынках, то главной характеристикой такой цены была умеренность, что приближало ее к идеалу справедливости, к которому стремились повсюду в Западной Европе в XIII в. **Логика канонистов**, таким образом, предполагает какой-то особый тип финансов, не сводимый к финансам классической политэкономии: в общем-то, тезис о справедливой цене находит отклик в так называемом «здоровом смысле». Однако в реальности купцы, особенно те, которые занимались *торговлей с дальними землями*, старались получить максимальную прибыль, что побуждало их значительно повышать цены и вызывало недоверие и осуждение со стороны церкви и даже светских институтов [16, с. 106–107].

Таким образом, логика канонистов Высокого Средневековья и современных законодателей штата Нью-Йорк относительно «скальпирования» для внешнего наблюдателя практически идентична. И стоит напомнить, что в рамки этой же хозяйственной логики укладываются государственные поставки хлеба в Афины времен Афинского морского союза, и в Рим — в эпоху принципата и домината.

Итак, перейдем к рассмотрению такого социального явления, как торговля на дальние расстояния.

«Торговля на дальние расстояния»

Великий арабский историк и экономист Ибн Халдун писал о торговле следующее: «Товарами могут быть рабы, хлеб, животные, орудия или ткани. Прибыли человек добывается, или накапливая товары и ожидая повышения цен на них, или перевоза их в другую страну, где эти товары в большем спросе, чем в той стране, где он их купил» [17, с. 316]. **В этой фразе мыслитель XIV в. объединил и частный рынок, и торговлю на дальние расстояния.**

В эпоху великих географических открытий на историческую сцену вышло классическое пиратство. «Гармоничное» сочетание торговли с войной и грабежом (уже упоминая «разбойничья торговля») лучше всего удавалось европейским пиратам Нового Света в XVI–XVII вв., **но не надо забывать, что именно из пиратских флотилий позднее возникли и торговые предприятия, и военно-морские силы Англии и Голландии.** Проблема пиратов, с точки зрения правительств их метрополий и буржуазии (частью которой в некотором роде являлись сами пираты), состояла не в аморальности и преступности

их деятельности, а в том, что масштабы этих операций быстро перестали соответствовать нуждам накопления капитала. Уже в середине XVII в. свободное предпринимательство пиратов оказалось неконкурентоспособным по сравнению с организованной торговлей в форме колониальных монополий, защищаемых и поддерживаемых государством [5, с. 263].

Торговля на дальние расстояния (*Fernhandel* немецких историков) формировала особые группы торговцев и в свою очередь формировалась и поддерживалась ими. Указанные негодянты всегда были посредниками: они *вклинивались в кругооборот между ремесленником и далеким сырьем* — шерстью, хлопком, шелком и т. д. Также они выступали посредниками между производством готовой продукции и ее продажей где-то вдалеке [6, с. 410]. И, конечно, не обходилось без игры кредита: авансирования поставок, кредитования под будущий урожай, привлечения капитала в метрополии для финансирования торговли на периферии. Ю.М. Березкин, резюмируя соображения Ф. Броделя о «ближнем» и «дальнем» рынке, напоминает, «... что задолго до XVII–XVIII вв. ... **начали складываться** два принципиально разных вида рынков: один — местный, общественный, контролируемый государственными законами, основанный на конкуренции и эквивалентном обмене; другой — «дальний»... частный, не контролируемый никаким законодательством, в котором нет конкуренции, *нет эквивалентного обмена* (курсив авт.), и который *скрыт от посторонних глаз* (курсив — авт.). Первый вид рынка — обычный рынок, описанный многократно в учебниках по рыночной экономике. Второй же — не вписывался ни в одну экономическую теорию, но *являлся главным генератором развития капитализма вообще и финансового капитализма в частности* (курсив — авт.). Именно на втором (финансовом) уровне рынка зародились и были отработаны все современные механизмы и инструменты частных финансовых операций. Именно на втором (финансовом) уровне рынка складывались предпосылки современных мировых финансов и международных финансовых институтов» [10, с. 22–23].

Очевидно, что второй тип рынка представлял собой монополию, основанную на силе оружия и кредита. А. Смит был известным противником торговых монополий, что, например, можно проиллюстрировать следующим отрывком из его наиболее известного произведения: «Монополисты,

поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и никогда не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже *естественной цены* (курсив — авт.) и поднимают свои доходы... значительно выше их *естественной нормы* (курсив — авт.). Монопольная цена во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена. ...Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу *правительственные постановления, вызывающие их* (курсив — авт.)» [18, с. 130–131]. **Живя в XVIII в., А. Смит имел** непосредственный опыт восприятия монополий эпохи меркантилизма, которые уже давно выступали как орудия государственного и в основном — колониального принуждения.

Можно согласиться с высказыванием Р. Камерона, что доминирующая часть товарооборота в Европе позднего Средневековья как по объему, так и по стоимости приходилась на локальную торговлю. Города получали основную массу продовольствия непосредственно из сельской округи в обмен на промышленные товары и услуги. Доставлять продовольствие издалека в отсутствие холодильников и развитой сети сухопутных дорог в большинстве случаев было дорого и неэффективно. В основном это была мелкая торговля, характер которой лишь в незначительной степени зависел от конкретного времени и места. Конечно же, более интересными и более значительными с точки зрения истории финансовых отношений были изменения, которые произошли в торговле на дальние расстояния [19, с. 152].

Как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, «...торговля на дальние расстояния становилась важнейшим механизмом накопления капитала. Сами по себе подобные предприятия, сложные и рискованные, были немыслимы без мобилизации значительных финансовых ресурсов (непропорциональных сравнительно небольшому числу людей, которые были в этих начинаниях задействованы), что имело смысл лишь постольку, поскольку получаемая прибыль оказывалась еще более существенной» [5, с. 257]. **Ф. Бродель также подчеркивал широкий** размах и немногочисленность особых торговцев, в руки которых в большинстве случаев попадали богатства далеких стран: «В этой игре купец, занятый торговлей на дальние расстояния, захватывал «прибавочную стоимость», как произведенную трудом на рудниках и плантациях, так и созданную тяжелой работой примитивного крестьянина

Малабарского побережья или Индонезии. ... когда читаешь..., что 10 тыс. центнеров перца и 10 тыс. центнеров прочих пряностей, какие примерно потребляла Европа до Великих открытий, обменивались на 65 тыс. килограммов серебра, что было эквивалентно 300 тыс. тонн ржи, способных прокормить полтора миллиона человек, то позволительно задаться вопросом, не слишком ли легко недооцениваются экономические последствия торговли предметами роскоши» [6, с. 411].

В представленных описаниях речь идет о монополиях особого типа. Подобные монополии особенно активно и целенаправленно стали создаваться в эпоху господства в Европе доктрины меркантилизма и, как и все самое важное в этой жизни, такая деятельность имела свою оборотную сторону. Во Всемирной истории экономической мысли, изданной в СССР, отмечается, что меркантилисты «...явились выразителями сокровенных вожделений буржуазии — ее жажды безграничного обогащения за счет торгового грабежа и колониального разбоя. Меркантилисты толковали об увеличении национального богатства, а фактически искали пути спекулятивного обогащения буржуазии, особенно за счет ограбления других стран и колоний» [17, с. 379].

Конечно, авторы Всемирной истории экономической мысли определенно тенденциозны. Однако классик экономической мысли XX в. Дж.М. Кейнс отмечал, что меркантилисты «...не обманывались относительно националистического характера их политики и ее тенденций к развязыванию войны. Они единодушно стремились к *национальной* выгоде и *относительному* могуществу» [20, с. 320]. В практике меркантилизма был заложен значительный деструктивный потенциал, практически в явном виде предполагающий «экономическую войну» против государств — торговых партнеров. Деньги при этом рассматривались как орудие этой войны на экономическое истощение. В одном из трактатов 1675 г. автор-меркантилист отмечает: «Если бы в нашей казне денег было больше, чем в казне соседних государств, меня бы не беспокоило то, что в ней была одна пятая того, что у нас есть теперь» [20, с. 318]. Очевидно, что этого меркантилиста не очень беспокоили социальные последствия столь значительного сокращения бюджетных расходов: торговля, война и финансы рассматривались как инструменты достижения экономического превосходства. Однако, если под накоплением капитала понимать

аккумуляцию драгоценных металлов (как это делали меркантилисты), то последние вели себя вполне рационально, соответствуя (в терминологии М. Вебера) «идеальному типу» капиталистического поведения.

Вообще в мире доиндустриальной эпохи богатство и бедность были «игрой с нулевой суммой»: стать богатым можно было, только присвоив чужое, уже существующее богатство. Норвежский экономист и основатель международного фонда «Другой канон» Э. Райнерт отмечает, что этот «...взгляд на мир, присущий людям с древности, был закреплен Аристотелем и сформировал мировоззрение схоластов, европейских философов периода позднего Средневековья» [21, с. 102]. «Выигрыш одного человека есть потеря для другого», — отмечал Святой Иероним (ок. 341–420 гг. н.э.). Уже упомянутый Ибн Халдун, как и китайский историк Сыма Цянь, считал исторический процесс циклическим. Ибн Халдун полагал, что сообщества, создающиеся путем сплочения людей, можно разделить на пустынные и городские. Исторический процесс, по Ибн Халдуну, протекал по следующей схеме: племя, живущее в пустыне, завоевывало город, но от городской жизни постепенно становилось все более изнеженным и слабым, так что через несколько поколений его в свою очередь завоевывало следующее племя жителей пустыни [21, с. 102].

Однако проведенный краткий обзор колониальных практик из времен, непосредственно предшествующих эпохе войн и революций конца XVIII — начала XIX в., показывает актуальность подобной экономической политики как минимум вплоть до промышленного переворота в Англии в XIX в. Да и в более поздние времена такая практика имела место быть. В одной из недавно опубликованных работ, посвященных изучению оппортунистического поведения крупных стран и транснациональных корпораций начала XXI в., отмечается, что «...современный вид геофинансов надо анализировать как модифицированную форму финансов, рассматривать их как финансовый симулякр, в процессе использования которого частные интересы оппортунистов глобального финансового рынка становятся доминантой, возвышаются над интересами мирового сообщества»¹.

Концептуальное заключение. Частный рынок, торговля на дальние расстояния — что это есть и

было? И как все же экономический оппортунизм связан с появлением финансов и экономической динамикой?

На взгляд автора, все эти социальные явления можно описать с помощью концепции *инновации* в рамках теории девиантного поведения известного американского социолога Р.К. Мертон. Этот исследователь утверждает, что инновация — это тип социального действия, когда сильное культурное акцентирование цели экономического успеха открывает дорогу форме приспособления, состоящей в использовании институционально запрещенных, но часто эффективных средств достижения богатства и власти. То есть инновация Р. Мертона — это сугубо негативное социальное действие. Такая реакция возникает, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели экономического успеха, не интериоризировав при этом в равной мере институциональные нормы, регулирующие пути и средства ее достижения. На высших уровнях экономики (а именно к ним относится торговля на дальние расстояния) побуждение к инновации нередко стирает различие между честным деловым соперничеством и асоциальными практиками, лежащими по ту сторону нравственности [22, с. 256–257]. В качестве примера инновации Мертон приводит биографию известного мафиози времен сухого закона в США Аль Капоне, для которого путь к легальному приобретению богатства был закрыт фактом его рождения в семье бедных эмигрантов. Поэтому он пошел другим путем — путем мертоновской инновации.

Видимо, неслучайно к концепции инновации обращаются авторы уже процитированной статьи о финансовой политике влиятельнейших государств и корпораций современности: «Геофинансовый оппортунизм самых мощных игроков на этом экономическом «пространстве-времени» становится, наряду с традиционными формами недобросовестной конкуренции, одной из инновационных форм перераспределения мирового продукта и дохода»².

Но, как и любое девиантное поведение, инновация задает новые горизонты социального моделирования через стимуляцию социологического воображения (термин Ч. Миллса). Исследователь экономического оппортунизма В. Чашин полагает, что «...в условиях осуществления оппортунистической деятельности реализуется сложная по структуре

¹ Глухов В.В., Останин В.А., Рожков Ю.В. Оппортунизм геофинансовой политики как форма глобальной конкуренции // Финансы и кредит. 2015. № 10. С. 27–36.

² Глухов В.В., Останин В.А., Рожков Ю.В. Оппортунизм геофинансовой политики как форма глобальной конкуренции // Финансы и кредит. 2015. № 10. С. 27–36.

делка, потому целесообразно подвергнуть анализу субмикространство обмена в условиях оппортунизма, и, кроме того, необходимо учитывать технологичность оппортунистической деятельности и обусловленные этим эффекты дифференциации (эволюционного дрейфа) институтов, а также зависимость выбора способов управления оппортунизмом от исторического типа хозяйственно-экономической системы» [9, с. 24]. **Частный рынок**, торговля на дальние расстояния — это варианты девиантного поведения в форме инновации в категориальной схеме Р. Мертона. Можно вспомнить слова Мефистофеля из «Фауста» И. Гете:

В ком больше силы, тот и прав.
Никто не спросит: «Чье богатство?
Где взято и какой ценой?»
Война, торговля и пиратство —
три вида сущности одной...³

Как ни странно, но эти формы хозяйственной активности связаны с появлением современного финансового капитализма.

Кроме явно деструктивных последствий у этих форм экономического оппортунизма имеются и положительные стороны. Например, молодой ученый Д. Швецов считает, что гипермаркеты — это «дальние родственники» частного рынка. Отмечая

стандартизацию бизнес-процессов в качестве главной причины эффективности супермаркетов и гипермаркетов, этот исследователь полагает, что «...данное институциональное преобразование стало возможным только с переходом от open к private market, когда торговля сконцентрировалась в руках крупных профессиональных торговцев, способных накапливать финансовые ресурсы, привлекать заемный капитал и вести переговоры с представителями власти» [23, с. 27].

На взгляд автора, хозяйственное развитие практически неизбежно порождает и финансовые отношения, и экономический оппортунизм. Зачастую эти социальные явления — по сути одно и то же. Вечно возрождающиеся частный рынок и торговля на дальние расстояния — это разновидности экономического оппортунизма, поспособствовавшие появлению новых форм хозяйственных, в том числе финансовых, отношений. По мнению автора, накопление капитала — это объективный организационный процесс, обусловленный необходимостью постоянной реновации материальной формы последнего и очень часто обернутый в непривлекательную оболочку экономического оппортунизма. Вероятно, поэтому шлейф девиации, сопровождающий финансовый капитализм, будет наблюдаться еще очень долго. В извечной борьбе Деметры и Гефеста против Кроноса очень часто побеждают Гермес и Арес.

³ Перевод Б. Пастернака.

Список литературы

1. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Избранные произведения. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
3. Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: И.Д. Вильямс, 2007. 304 с.
4. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.
5. Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2010. 680 с.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь Мир, 2006. 672 с.
7. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2010. 762 с.
8. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Институт Гайдара, 2015. 584 с.
9. Чащин В.В. Очерки теории и истории экономического оппортунизма: монография. М.: КноРус, 2014. 320 с.
10. Березкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов. Иркутск: БГУЭП, 2006. 248 с.

11. *Бубнов В.А., Хаустов Д.С., Хоменко Г.А.* Полисистемная монополия: бюджетно-налоговый аспект. Новосибирск: Наука, 2015. 224 с.
12. *Покровский М.Н.* Русская история: в 3 т. Т. 1. М.: АСТ, 2005. 344 с.
13. *Макконел К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. Т. I. М.: Республика, 1993. 399 с.
14. *Ариели Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 296 с.
15. *Ван-Вактор С.А.* Нефть благословенная и проклинаемая: международный нефтегазовый бизнес от скважины до бензоколонки. М.: Альпина Паблишер, 2014. 240 с.
16. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2014. 224 с.
17. *Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. I / под ред. В.Н. Черновца.* М.: Мысль, 1987. 606 с.
18. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Антология экономической классики: в 2 т. Т. I. М.: Эконов, 1991. 475 с.
19. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001. 544 с.
20. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2012. 352 с.
21. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2011. 384 с.
22. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
23. *Швецов Д.В.* Базар, ярмарка, лавка, магазин: генезис форм розничной торговли // *TERRA ECONOMICUS*. 2011. № 3. С. 21–30.

ISSN 2311-8709 (Online)

ISSN 2071-4688 (Print)

Chapter of History

DEMETER AND HEPHAESTUS AGAINST CRONUS: ‘PRIVATE MARKET’, ‘LONG-DISTANCE TRADE’ AND CAPITAL ACCUMULATION. ECONOMIC OPPORTUNISM AND ORIGIN OF FINANCE**Dmitrii S. KHAUSTOV**

Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk, Russian Federation

dmitry.khaustov@rabler.ru

Article history:

Received 30 April 2015

Accepted 4 June 2015

Keywords: economic opportunism, private market, origin, finance, capital accumulation**Abstract**

Subject The article states that the logic of the economic person is the logic of capital accumulation. There are some hypotheses proving the reasons of capital accumulation. The study emphasizes the connection between capital accumulation, genesis of finance and opportunistic practices. However, within the classical political economy and economics (the economic theory) of the 20th century, the holistic theoretical image of economic opportunism and its connection with the origin of finance were not properly developed. Considerably, it is also true for the current state of financial science.

Objectives The study aims to review such widespread opportunistic practices as the private market and long-distance trade, to track the connection of these types of commercial activity with the emergence of finance.

Methods The study rests on general scientific methods, such as analysis, comparison, and analogy, and specific ones, like qualitative analysis of documents. It also applies the principle of historicism and the concepts of mercantilism, classical political economy, Marxism and Neo-Marxism, Keynesianism, behavioral economics, etc.

Results I studied the connections between the economic opportunism and the emergence of finance, disclosed the concepts of private market and long-distance trade based on historical material. The article also includes the analysis of typical long-distance trade.

Conclusions The study suggests a hypothesis on the genesis of finance as a group of opportunistic practices serving the trade. Presumably, the finance was an instrument that forced movement to the market.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Weber M. *O nekotorykh kategoriakh “ponimayushchei” sotsiologii. V kn.: Izbrannye proizvedeniya* [Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. In: Selected works]. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013, 656 p.
2. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. V kn.: Izbrannye proizvedeniya* [Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. In: Selected works]. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013, 656 p.
3. Surowiecki J. *Mudrost’ tolpy. Pochemu vmeste my umnee, chem poodinochke, i kak kollektivnyi razum formiruet biznes, ekonomiku, obshchestvo i gosudarstvo* [The Wisdom of Crowds]. Moscow, I.D. Vil’yams Publ., 2007, 304 p.
4. Aron R. *Etapy razvitiya sotsiologicheskoi mysli* [Main Currents in Sociological Thought]. Moscow, Progress Publ., 1992, 608 p.
5. Kagarlitskii B. Yu. *Ot imperii — k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzhuannoi tsivilizatsii* [From empires — to imperialism. The State and the emergence of the bourgeois civilization]. Moscow, SU HSE Publ., 2010, 680 p.
6. Braudel F. *Material’naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2 “Igra obmena”* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, 15e–18e siècle. Vol. 2 Les jeux de l’échange]. Moscow, Ves’ Mir Publ., 2006, 672 p.
7. Daimond J. *Kollaps. Pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut* [Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed]. Moscow, AST Publ., 2010, 762 p.

8. Maddison A. *Kontury mirovoi ekonomiki v 1–2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoi istorii* [Contours of the World Economy, 1–2030 AD: Essays in Macro-Economic History]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015, 584 p.
9. Chashchin V.V. *Ocherki teorii i istorii ekonomicheskogo opportunizma: monografiya* [Essays on the theory and history of economic opportunism: a monograph]. Moscow, KnoRus Publ., 2014, 320 p.
10. Berezkin Yu.M. *Problemy i sposoby organizatsii finansov* [Problems and ways of finance organization]. Irkutsk, BSUEL Publ., 2006, 248 p.
11. Bubnov V.A., Khaustov D.S., Khomenko G.A. *Polisistemnaya monopoliya: byudzhethno-nalogovyi aspekt* [A polysystemic monopoly: a budgetary and tax aspect]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2015, 224 p.
12. Pokrovskii M.N. *Russkaya istoriya: v 3 t. T. 1* [Russian history: in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, AST Publ., 2005, 344 p.
13. McConnell C.R., Brue S.L. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika. T. 1* [Economics: Principles, Problems and Policies. Vol. 1]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 399 p.
14. Ariely D. *Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na etom* [The Upside of Irrationality]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013, 296 p.
15. Van Vactor S.A. *Neft' blagoslovennaya i proklinaemaya: mezhdunarodnyi neftegazovyi biznes ot skvazhiny do benzokolonki* [Introduction to the Global Oil and Gas Business]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2014, 240 p.
16. Le Goff J. *Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoi antropologii* [Marchands et banquiers au Moyen Age]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2014, 224 p.
17. *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoi mysli. T. 1* [The world history of economic thought. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, 606 p.
18. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. V kn.: Antologiya ekonomicheskoi klassiki. T. 1* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. In: Anthology of economic classics. Vol. 1]. Moscow, Ekonov Publ., 1991, 475 p.
19. Cameron R. *Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira ot paleolita do nashikh dnei* [A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 544 p.
20. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2012, 352 p.
21. Reinert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, SU HSE Publ., 2011, 384 p.
22. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST Publ., 2006, 873 p.
23. Shvetsov D.V. *Bazar, yarmarka, lavka, magazin: genesis form roznichnoi trgovli* [Market, fair, stall, shop: the genesis of the forms of retail trade]. *TERRA ECONOMICUS*, 2011, no. 3, pp. 21–30.